

> МАГИСТРАЛЪ >

БРИГИТА РАЙМАН

Вступление в будни

Москва
2024

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
P18

Brigitte Reimann

Die Geschwister + Ankunft im Alltag
Die Geschwister © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 2023 +
Ankunft im Alltag
© Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1999 & 2023

Перевод с немецкого *Ксении Григорьевой*
и *Доры Каравкиной*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Райман, Бригита.

P18 Вступление в будни / Бригита Райман ; [перевод с немецкого К.В. Григорьевой, перевод с немецкого Д.Л. Каравкиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-204082-5

Бригита Райман — немецкая писательница из ГДР. Послевоенная Германия, трагическое разделение страны на две части, новое поколение молодых людей, получивших от родителей страшное наследство и пытающихся построить на руинах лучшую страну, — все это впиталось в творчество автора.

17-летняя сирота Реха приезжает работать на промышленный комбинат. В первый же день она знакомится с Николаусом и Куртом. Один — застенчивый и добрый здоровяк, мечтающий стать художником. Другой — заносчивый и харизматичный сынок богатых родителей. Все трое вступают в будни, где их ждет труд на комбинате, проверка на прочность и любовный треугольник. На одной чаше весов танцы в ресторане, красивая одежда и поездки на машине. На другой — тихие вечера в бараке, запах красок, шелест кистей по холсту и прогулки на природе. Рехе предстоит выбрать, что ближе ее сердцу...

Повесть «Сестра и братья» — иллюстрация национальной катастрофы. Старший брат героини собирается сбежать в ФРГ вслед за другим братом. Пересечение границы — путь в один конец, разрыв отношений с семьей, с горячо любящей сестрой. Героиня всеми силами пытается предотвратить трагедию, обнажая душу перед братом. Поможет ли это?..

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

- © Григорьева К. В., перевод на русский язык, 2024
- © Каравкина Д. Л., перевод на русский язык, наследники, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204082-5

ВСТУПЛЕНИЕ
В БУДНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Одним вечером трое незнакомых друг другу человека приехали на одном и том же поезде и, стоя на перроне маленькой станции, одновременно ощутили приступ одиночества.

Реха огляделась по сторонам: на серой, обшарпанной станции почти не было света, мелкий дождь размыл очертания зданий. Девушка была разочарована, ведь представляла себе вход в этот молодой город по-другому, более величественным, более блестящим. Она взяла чемодан и, пройдя мимо вывески с выпуклыми буквами, направилась по залитой дождем платформе к выходу.

Немногочисленные приезжие уже разошлись, и вестибюль с его чисто выбеленными стенами и грязным кафелем опустел. Из-за двери ресторана доносились пьяные голоса. Реха вздрогнула и втянула плечи. «Какой прием на новой родине», — подумала она и уже через пять минут в чужом городе затосковала по доброй охране своей школы и «замку» с шумными коридорами. Она также скучала по белокурой Бетси и по толстому, молодому, любезному Крамеру, которые стояли сегодня утром у решетчатых ворот и махали ей вслед.

«Он меня предупреждал, — подумала Реха. — Он знал, что я сразу растеряюсь». Но тут же она вспомнила, что

ответила ему и как вела себя перед ним, и ей стало стыдно, как будто в этот момент она снова оказалась перед столом Крамера, а он насмешливо смотрел на нее.

Реха подняла воротник и вышла на улицу. Она забыла о своем разочаровании, оказавшись на широкой площади, залитой белыми и разноцветными огнями, перед рядами новых домов с террасами, изящно переплетенными балконными решетками и веселыми неоновыми вывесками на фасадах. Это было похоже на картину, которую нарисовало ее живое воображение и краски которой не мог размыть даже непрекращающийся дождь. Затем она увидела двух парней, стоящих у подножия лестницы. По крайней мере один из них, великан в вельветовом костюме, возможно, плотник или каменщик, показался Рехе местным жителем, и она подошла к нему спросить дорогу.

Парень повернул маленькую узкую голову с коротко стриженными волосами и сказал то ли неприветливо, то ли смущенно:

— Без понятия. Я сам не отсюда.

— Я не ослышался? — спросил рядом стоящий парень. — Мне тоже в ту сторону. Позвольте проводить вас? — Он был ниже и стройнее, чем парень в вельветовом костюме, был аккуратнее одет и выглядел более подтянутым и уверенным в себе, а на его лице различалось трудноуловимое выражение хитрой расчетливости. — Я хорошо здесь ориентируюсь, — продолжил он. — Я приехал пару недель назад.

Он оценивающе оглядел худенькую черноволосую девушку, ее чемодан и бордовое летнее пальто (ради которого Реха не один месяц сортировала ягоды на консервном заводе) и спросил:

— На практику, да?

— Да, — сказала Реха.

— Значит, коллега. — Он протянул ей руку и слегка поклонился. — Курт Шелле, Шелле с двумя «л», — доба-

вил он, он всегда упоминал эту двойную «л», добавлявшую немного блеска его простой фамилии.

— А я Реха Гейне, — представилась девушка.

— Реха... — повторил Курт, — Лессинг. «Натан Мудрый». — Он поморщился. — Этот Натан был моей темой на устном экзамене. «Проанализируйте пьесу» или что-то такое. Твой учитель по литературе тоже был таким же занудой?

Наконец третий, который все это время задумчиво и с отсутствующим видом стоял рядом, открыл рот и удивленно произнес:

— А мне тоже на эту же улицу. — Он заметил, как внезапно Курт насторожился, и поспешил объяснить, что тоже окончил среднюю школу в этом году и теперь хочет работать на комбинате и что он хотел бы присоединиться к ним.

— Значит, нас теперь трое, — заключил Курт и даже не потрудился скрыть свое беспокойство от присутствия этого третьего. — Надеюсь, ты не будешь идти так же медленно, как думаешь, иначе мы не доберемся до места и к завтрашнему утру.

Реха рассмеялась, а Курт, подбадриваемый ее смехом, продолжил подшучивать над неуклюжим парнем, который забыл представиться.

— А имя у тебя, великан, не тайна?

— Нет, — простодушно ответил он. — Николаус Шпаршу. — Он настороженно взглянул на новых знакомых, казалось, он ждал, что они вслух посмеются над его старомодным именем. — Николаус с одной «л», — добавил он.

— Ха-ха, — засмеялся Курт. — А ты смешной.

— Шекспир, «Гамлет», — невозмутимо продолжил Николаус, и Курт, который теперь чувствовал, что его здесь неприлично пародируют, перекинул через плечо свою походную сумку и скомандовал:

— Пошли!

Николаус молча взял чемодан Реха и последовал за Куртом на небольшом расстоянии. Реха указала на черную папку, которую Николаус привязал к своему чемодану.

— Ты рисуешь?

— Немного, — ответил он. — Просто хобби. — Он скрыл, что давно мечтал о поступлении в художественную академию.

— И что тебе нравится рисовать больше всего? — спросила Реха в попытке поддержать разговор.

— Все подряд, — пробормотал Николаус, и на этом тема была исчерпана. Они молча пошли друг за другом, чувствуя себя неуютно под проливным дождем. У следующего фонаря Курт остановился и подождал их, его настроение снова стало таким же беззаботным.

В голубоватом свете Реха разглядела его лицо, загорелое, красивое. «Даже слишком красивое и гладкое», — подумала она, но ей понравился этот активный, дерзкий, хорошо одетый мальчик. На шее у него висела серебряная цепочка, и Реха начала гадать, что там — медаль или, может, медальон с фотографией какой-нибудь девушки.

До общежития было не слишком далеко, и Курт воспользовался этим временем, чтобы выяснить у них, откуда они родом; он сообщил, что сам он из Д., а его отец — директор текстильной фабрики.

— Мой старик мог бы привезти меня сюда на машине, — сказал он. — У него «Вартбург», а «Вартбург» — самая лучшая машина на сегодняшний день. В июне я сдал на права, но вы думаете, он дал мне покататься? У него и капли бензина не выпросишь...

— У меня нет родителей, — буднично сказала Реха.

Курт наконец понял, что эта показуха, рассчитанная на простодушных, здесь ни к месту. Он рассмеялся и сказал с неподдельной искренностью:

— Ты права, я просто пытаюсь впечатлить тебя. — Курт мог проявить обезоруживающее обаяние, когда

хотел (а чаще всего он хотел), и теперь он поднял свои дерзкие зеленые глаза на Реху и сказал: — Но я очень рад, что поехал поездом. Иначе я бы не встретил такую прекрасную незнакомку...

«Боже, какой дешевый спектакль», — подумал Николаус, и ему хотелось, чтобы девушка отнеслась к этому парню и его одежде так же легкомысленно, как тот того заслуживал. Он предпринял робкую попытку отвлечь Реху от парня и спросил, в какую школу она ходила.

— Я жила в интернате X, — сказала Реха. — Еще несколько лет назад люди прозвали нашу школу «Красный замок». Это должно было быть оскорблением, и сначала нас это раздражало, но потом мы привыкли к нему, и, наконец, мы сами стали называть ее «замком». На самом деле это просто странный маленький замок, но нам он казался красивым, мы были там как дома, знаешь... — Ей вдруг захотелось рассказать этому молчаливому, неуклюжему Николаусу о Крамере и Бетси, об оранжерее, парке и всегда полутемной библиотеке с характерным запахом пыли и кожи и чернил от новых книг и газет. Весь его вид говорил Рехе, что он умел слушать.

Однако Курт, который терпеть не мог не быть в центре внимания, шуткой разорвал слабую нить едва возникшего взаимопонимания между Николаусом и девушкой. Он придвинулся ближе к Рехе и стал рассказывать, жестикулировать, высмеивать своих учителей; у него был острый язык, и он любил злобно, карикатурно критиковать слабости других людей.

Даже Николаус засмеялся — что-то в этом Шелле с двумя «л» ему понравилось. Сам неуклюжий до грубости, он восхищался парнями своего возраста, которые могли непринужденно развлекать и располагать к себе девушек. Он хотел бы привлечь внимание большезлазой темноволосой Рехи; ее лицо с узким, выступающим носом напоминало ему образ женщины, имя которой он не мог сейчас вспомнить. Конечно, он прекрасно пони-

мал, что не сравнится с веселым Куртом, поэтому молча шел рядом с ним и только однажды, когда его спросили напрямую, сказал:

— Я живу в М. Мой отец работает в типографии.

«Все остальное, — подумал он, — их не касается. По крайней мере, пока».

Наконец они дошли до общежития.

Перед тем, как попрощаться и отправиться на поиски своих комнат, Курт сказал:

— Мы же можем встретиться утром и вместе поехать на комбинат. — Разумеется, это предложение касалось только Рехи. Она взглянула на Николауса, который стоял чуть в стороне, очень высокий, немного полноватый в своем потертом вельветовом костюме, и ей стало жаль его.

— Ты же поедешь с нами? — спросила она.

Николаус кивнул. Он хотел бы сказать девушке что-нибудь дружелюбное, но, заметив, как беспокойно и испуганно она оглядывает темные фасады домов, вместо этого попытался успокоить ее:

— Тебе не стоит так много думать о доме, по крайней мере, в первую ночь. Знаешь, в первую ночь больше всего хочется домой, но потом быстро привыкаешь...

— Старый добрый дядюшка, — растрогался Курт.

2

В комнате, где предстояло поселиться Рехе, жила коренастая девушка лет двадцати с небольшим, работающая строителем подземных сооружений. Когда Реха вошла, она сидела на своей кровати и штопала чулки; на ней была только розовая ночная рубашка, и Реха смущенно пробормотала:

— Простите, что я так поздно...

— Ничего, — перебила ее девушка, голос у нее был почти мужской, такой же низкий и хриплый. Она невозмутимо оглядела Реху с головы до ног, затем протянула

ей широкоую, как лопата, руку со сломанными ногтями и добавила: — Располагайся! Твой шкаф левый. Думаю, мы поладим.

— Надеюсь, — сказала Реха. Она спросила, где можно помыться, избегая говорить девушке напрямую, потому что не была уверена, что ей тоже можно обращаться на «ты». Любезный Крамер строго следил за тем, чтобы, несмотря на тесную совместную жизнь в интернате, между учениками и взрослыми не возникало неуместной фамильярности.

Она сняла пальто и села на кровать, и в этот момент поняла, как устала и хотела спать. Но ей было стыдно переодеваться перед незнакомой девушкой: это была не Бетси, ее пухлая белокурая подруга Бетси, от которой у нее не было тайн и с которой она, шестнадцатилетняя, по вечерам стояла перед зеркалом... «Мы стояли так и, наслаждаясь, решали каждую субботу, кто кого любит, у кого грудь была больше, у Бетси всегда было на несколько дюймов больше, чем у меня».

— Куда пойдешь работать? В лабораторию, да? — спросила девушка.

— На земляные работы, скорее всего, — смело сказала Реха.

— Земляные работы? — насмешливо переспросила девушка. — С такими-то пальцами? Да и не только пальцами. Вон какая худая, я могу пришибить тебя одной рукой.

Реха покосилась на могучие мускулы собеседницы и поверила в эти слова. Несмотря на это, нахлынувшая изнутри волна скептической снисходительности побудила ее возразить. Она сказала дерзко, как тогда, перед столом Крамера: «То, что могут другие, могу и я. Конечно, поначалу будет непросто. Но ко всему можно привыкнуть, а когда овладеешь техникой...»

— Техникой! Вот где надо иметь технику, — сказала девушка, продемонстрировав свои мускулы.

— Глупости! Техника здесь, — горячо возразила Реха и постучала пальцем по лбу.

— Там только ветер, — воскликнула девушка, и ее голос прозвучал еще грубее. — Ты только из школы? И пришла рассказывать мне про технику... Я и так все знаю о подземных работах. — Она посмотрела на встревоженное лицо Рехи и добавила более дружелюбно: — Тебе еще много предстоит узнать, малышка.

Реха кивнула, она уже пожалела, что в первый же вечер начала спорить с девушкой, с которой ей придется жить еще несколько месяцев. Спустя некоторое время она сказала:

— Отвернитесь на секунду, пожалуйста. Я хочу переодеться.

— Я и так не обращаю на тебя внимания, — проворчала девушка, но все же отвернулась. Глядя на стену, она добавила: — Здесь все обращаются друг к другу на «ты». Можешь звать меня Лизой, если ты, конечно, не слишком важная.

Через некоторое время Лиза вышла из комнаты. Реха лежала в постели, скрестив руки за головой, смотрела в потолок и думала: «Комната отвратительная, совершенно не сравнится с замком. Здесь нельзя жить, здесь можно только ночевать». Голые стены с бледным узором угнетали ее, скудная мебель и ярко-белый, ничего не скрывающий колокольчик из матового стекла под потолком.

Потом вернулась Лиза, достала из шкафчика хлеб, колбасу и масло и приготовила себе нарезку на следующее утро. Потом она бросила через плечо:

— Плачешь, малышка?

— Нет, — прошептала Реха.

— Впервые так далеко от мамы?

— У меня нет мамы.

— Вот оно что, — сказала Лиза и повернулась к ней. — Умерла?

— В газовой камере, — сказал Реха громко и с такой ненавистью в голосе, что Лиза испугалась.

— Вот оно что, — повторила она. — Я не хотела... А отец-то у тебя есть? Я просто хочу сказать... ты так шикарно одета, должно быть, кто-то заплатил за это....

— Отец? Не знаю. Скорее всего, есть, — ответила Реха злобным тоном и подумала так, как она всегда думала об этом неизвестном отце, — в тех грубых выражениях, которые обычно не входили в ее лексикон: — Сбежал. Испарился. Надеюсь, погиб на фронте. Надеюсь, умер этот *ариец*.

Любопытная Лиза попыталась задать еще один осторожный вопрос, но Реха лежала с закрытыми глазами, с холодным и безразличным выражением лица и больше не отвечала. Лиза выключила свет и босиком подошла к кровати. Некоторое время она прислушивалась к дыханию своей соседки. В ушах у нее все еще звучал этот резкий, полный ненависти голос, и она ощутила что-то вроде отвращения к странной незнакомке с ее темным происхождением.

Лиза происходила из рабочей семьи, где было семеро детей; ее отец вернулся с войны целым и невредимым — война и фашизм не уничтожили ни одного близкого ей человека, а о страданиях других она знала только по книгам и рассказам. «В газовой камере, — подумала она. — Скорее всего, есть». Она не улавливала связи, не могла составить из кратких намеков историю, которая осветила бы ей обстоятельства жизни новой соседки, но это лишило ее сна (мой крепкий сон, и завтра в четыре утра ночь для меня закончится).

Наконец она произнесла в темноту:

— Эй, малышка... У тебя есть с собой еда?

— Нет, — удивленно ответила Реха.

— Раз так, то можешь взять у меня в шкафчике.

Она неуверенно засмеялась.

— Колбасу и мясо я ем в больших количествах.